

ЛИТЕРАТУРА В СИНТЕЗЕ ИСКУССТВ

Е.С. РОГОВЕР

РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург

В последние десятилетия диалог культур в синтезе искусств стал одной из продуктивных проблем в отечественном и зарубежном литературоведении. Появились серьёзные исследования по этой тематике (Д.С. Лихачёва, Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, М.С. Кагана, В.Г. Щукина, Т.П. Каждан, О.С. Евангуловой, Е.Е. Дмитриевой и О.Н. Купцовой и др.). Эти труды явились методологической базой коллективной монографии Доманского В.А., Кафановой О.Б., Шарафадиной К.И. «Литература в синтезе искусств»: Монография в 3 т. Т. I. Сад и город как текст (СПб: СПГУТД, 2010. – 362 с.).

«Литература в синтезе искусств» (2010). Ее авторы много и плодотворно занимаются исследованием этого феноменального явления. Так, Валерий Анатольевич Доманский, ответственный редактор книги, выпустил в 2000–2002 гг. монографию и учебное пособие «Литература и культура: культурологический подход к изучению словесности в школе»; Ольга Бодовна Кафанова опубликовала в 1998 г. исследование «Жорж Санд и русская литература XIX века (Мифы и реальность), 1830-1860 гг.»; Клара Ивановна Шарафадина издала в 2003 г. монографию «Алфавит Флоры в образном языке литературы пушкинской эпохи: источники, семантика, формы». Все три автора – доктора наук, известные исследователи метатекстов усадьбы и города как феномена русской классической литературы от Карамзина до Бунина и Есенина, рассматриваемых в контексте европейской традиции. Научные поиски этих ученых оказались близкими и пересекающимися, поэтому возникла идея их объединения в одной монографии. Подробное рассмотрение в пособии В.А. Доманского усадебного и городского текста перекликается с отдельными главами монографий К.И. Шарафадиной и О.Б. Кафановой.

В рецензируемой работе два основных метатекста русской классической литературы: сад и город (столица и провинция) рассматриваются как средства художественного миромоделирования, создания сюжетного и персонажного пространства текста. Авторы сосредоточили внимание главным образом на исследовании авторских моделей, основных типов, вариаций усадебных и городских текстов и их структур.

Можно отметить удачную структуру книги, в которой наряду с методологическим введением чётко выделены два основных раздела: первый посвящён семиотике литературных садов, второй – семиологии городского текста. При этом оба раздела, в свою очередь, структурированы в соответствии с намеченной и реализуемой логикой. Первый начинается с общей характеристики русского усадебного текста, его эстетики и поэтики,

которая затем иллюстрируется анализом пушкинских литературных садов, затем садов в творчестве И.С. Тургенева и И.А. Гончарова и завершается осмыслением крестьянских садов в поэзии С. Есенина и русского огорода в лирико-публицистической прозе В. Астафьева.

Научный редактор В.А. Доманский во введении под названием «Интеграция искусств в семиотическом пространстве литературного текста» обосновывает методологию реферируемого труда: «Интегративное взаимодействие искусств обусловлено синтетичностью литературы, ее стремлением к расширению своих границ, изобразительно-выразительных возможностей и созданием эффекта синестезии. Условием такого синтеза является органическое усвоение одним искусством приемов и способов другого» (с. 6). Художник слова, отмечает В.А. Доманский, обращаясь к другим искусствам, исходит из специфики своего творческого мышления, которое проявляется в пространственной организации текста, насыщенности его культурно-семантическими образами. В каждую культурную эпоху в системе искусств были свои доминанты: в Античности преобладала пластика, в Средние века – архитектура и словесность, Ренессанс поставил на первое место живопись, среди искусств Классицизма ведущее место заняли архитектура и садово-парковое искусство. Если Романтизм выдвинул и развивал идею синтеза литературы, музыки и живописи, то за Реализмом закрепилась репутация литературоцентричности в культуре. Что касается современной эпохи развития медиа и электронных средств коммуникаций, то ее справедливо называют визуалистской. В искусстве, особенно массовом, изображение стало преобладать над словом. Отсутствие языкового барьера в пространстве визуальности, увеличение скорости трансляции текста, – все эти качества визуального образа делают его востребованным.

Взаимодействие словесности и других искусств в европейской литературе авторы монографии рассматривают на большом хронологическом отрезке от классических произведений до сочинений современных авторов. Анализируются тексты писателей XIX столетия: Жорж Санд, Карамзина, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Гончарова, Толстого, Островского, Дала и др. XX век представлен прозой Замятина, Зайцева, Астафьева и поэзией Есенина, Клюева, Мандельштама, Ахматовой, Вознесенского.

Первая часть включает разделы, в которых последовательно рассматриваются инвариант («Усадебный текст: Сад и Дом») и авторские варианты усадебного хронотопа («Пушкинские литературные сады», «Сад в усадебном хронотопе Тургенева», «Сады Гончарова», «Крестьянский сад и огород»).

Методология усадебного текста раскрывается в начальных главах *первого* раздела. В.А. Доманский, развивая идеи В.Г. Щукина об усадебном тексте как знаковом комплексе, репрезентирует его философию и эстетику в русской литературе, показывает, как образ мира конкретного автора преломляется в поэтике произведения. Особое внимание уделяется метасюжету усадебного текста и его структурным уровням. Наряду с усадебной по-

вестью В.А. Доманский вводит жанр усадебного романа, выделяя его дефиниции. Разные функции литературных садов (эмоционально-суггестивная, философско-эстетическая, аллегорическая) рассмотрены им в главе «“Земной” и “небесный” сад Гоголя».

О.Б. Кафанова в главе «Восточные и западные сады в русской классической литературе (первая треть XIX в.)» экстраполирует усадебный метатекст на произведения Жуковского, Баратынского, Лермонтова, Бестужева-Марлинского, Пушкина, определяя две основные традиции. В главе «Романтический сад Жорж Санд и русская усадебная повесть» исследовательница рассматривает роман «Валентина» как один из истоков структуры классического усадебного текста.

К. И. Шарафадина в главе «Фольклорный сад в “Бальзаминовской” трилогии Островского» выявляет фольклорный генезис садового лейтмотива, отсылающий к прецедентным текстам (былинам, лирическим песням). Автор приходит к выводу, что общеевропейскую мифологию сада драматург одушевляет этнокультурной семантикой.

Следует положительно оценить стремление трёх авторов раскрыть синтез искусств, так убедительно просматриваемый при чтении русской классики. Эта проблема в русской эстетике и культурологии далеко не сразу получила желаемое решение; она не была столь очевидной, как ныне; порой её освещение наталкивалось на упорное сопротивление отдельных авторов. Достаточно сказать, что Лев Толстой, например, упорно и настойчиво отрицал объединение искусств, негативно встречал проявление их синтеза, ошибочно считая, что каждое искусство автономно и не допускает слияния с искусством соседним, тоже весьма специфичным. Тем не менее существующая в самой действительности тенденция к содружеству различных видов и форм художественного сознания становилась реальностью. И тот же Лев Толстой стал вносить коррективы в свои утверждения и, например, выразил желание сопроводить свои народные рассказы и другие произведения, печатавшиеся в издательстве «Посредник», иллюстрациями.

Большим достоинством книги является удачное соединение теоретического материала, включающего методологические обоснования данного исследования, и конкретный анализ произведений, репрезентирующих усадебный или городской текст, а иногда и тот и другой в совокупности. Авторы пользуются при этом как дедуктивным способом (он является доминирующим), так и индуктивным методом построения необходимой аргументации. Например, характеристика садов тургеневских повестей и романов (В.А. Доманский, О.Б. Кафанова) сопровождается выявлением символики описываемого текста. Или, обращаясь к изображению сада в поэзии С. Есенина, В.А. Доманский не проходит мимо обычных образов, лишённых иносказательного или эмблематического содержания.

Авторы коллективной монографии свободно оперируют сложной терминологией современного литературоведения (скажем, понятиями «флоролеймотив», «семантика сада», «структурные уровни», «микроконцепция»

«коды живописи», «структурно-семантический метод», «усадебный хроно-топ», «метатекст», «концепты»), но не увлекаются этим языком, затрудняющим восприятие книжного текста, что стало настоящей болезнью в новейших исследованиях. Поэтому текст данной книги читается легко, свободно и, что самое важное, с неослабевающим интересом.

Рассматриваемая научная монография обладает большим познавательным потенциалом: она даёт представление о классицистическом и романтическом садах, о парках французского и английского типов; о структуре метатекста усадьбы, в которую включаются ландшафты (природа, топос), сады (с их разными стилями), дом с его экстерьерами и интерьерами. Книги рассказывают об усадебном романе и повести, которым часто присущ особый любовный сюжет, своеобразное развитие действия и специфический финал; о семантике и символике многих цветов и растений. Она обогащает наши знания о крестьянском огороде, выполняющем функцию сада; о городском пространстве, имеющем особую знаковую среду, систему и подсистемы, многочисленные топонимы и архитектурные памятники. Книга знакомит читателя с многочисленными артефактами, будь то конкретные произведения фольклора (былина о Соловье Будимировиче), роман «Валентина» Жорж Санд, екатерининский ландшафтный сад, Архангельский собор московского Кремля, портрет Багратиона в гостиной Собакевича, импрессионистическая повесть Б. Зайцева, Адмиралтейство в одноимённом стихотворении О. Мандельштама.

Кроме городского плана «В стране Ключева», в книге нет иллюстраций, но она изящно оформлена. Особый настрой для читателя создает цветная фотография павильона «Верхняя ванна» в Екатерининском парке города Пушкина, выполненная В.А. Доманским и помещенная на лицевой обложке. Три фотографии на задней обложке книги воспроизводят облик трёх авторов этой монографии.

Перед нами первый том коллективного труда. Предполагается издание второго и третьего томов, где авторы намечают представить флористическое пространство русской классики и прочесть многие произведения русской и зарубежной классики через присутствующий в них синтез искусств, то есть осмыслить влияние музыки, театра, живописи и пластических искусств на их структуру и образность.

Мы же, со своей стороны, представляя читателям эту книгу, убеждены, что она будет с увлечением и живым интересом прочитана специалистами-филологами и учителями и даст импульс для новых исследований в русле заявленной проблематики.